

КАЗАНСКИЕ ЧИНГИСИДЫ МУХАММЕД-АМИН И АБД АЛ-ЛАТИФ
МЕЖДУ КРЫМОМ И МОСКВОЙ (1485–1518 г.)

(в поисках слагаемых позднезолотоордынского пространства)¹

Потомственные Чингисиды, казанские Джучиды Мухаммед-Амин б. Ибрагим и его родной брат Абд ал-Латиф б. Ибрагим, чья политическая активность пришлась на конец XV—начало XVI в., давно привлекают внимание исследователей. Они жили и действовали в то время, когда Московское государство постепенно укреплялось (как в военном, так и в политическом плане), а некоторые татарские государства все более погружались в пучины междоусобных конфликтов, теряя свои позиции в позднезолотоордынском Дешт-и-Кипчаке². Можно ли проследить изменение ситуации в Степи³ на примере политической и личной судеб ханов, волею истории оказавшихся связанными как с Казанью и Крымом, так в не меньшей степени и с Москвой? Каков был их статус в татарском мире и Московии? Кем была Москва — «внутренним» или «внешним» игроком на территории бывшей Золотой Орды? Попытаемся взглянуть на политические процессы конца XV — начала XVI в. сквозь призму жизни и карьеры двух людей, рожденных в высших слоях общества Средних веков.

Научная литература, написанная по данной проблематике, хорошо известна специалистам; я приводил ее концептуальный обзор [Рахимзянов, 2012, № 1, с. 63]⁴. Из непосредственно освещающих тему в контексте проблематики отмечу работы В. В. Вельяминова-Зернова, М. Г. Худякова, А. Л. Хорошкевич, С. Н. Кистерова [Вельяминов-Зернов; Худяков; Хорошкевич; Кистерев]. Источников, могущих помочь в решении обозначенных в начале статьи вопросов и заслуживающих доверия, можно назвать два вида. Это дипломатическая переписка между московскими и татарскими правителями (которую мы имеем только в «московском» варианте), с одной стороны, и русский актовый материал — с другой. Первый вид источников освещает положение казанских ханов на международной политической сцене, второй — статус в Московском государстве. К сведениям русских летописцев, полагаю, нужно относиться настороженно (что не означает их полного игнорирования). К сожалению, взгляд с «татарской» стороны нам недоступен из-за отсутствия релевантных текстов. Мы можем видеть только общий дискурс ситуации исходя из некоторых сохранившихся материалов⁵.

Вторая половина XV в. была временем, когда одни «осколки» Золотой Орды, объединяясь между собой, боролись против других. Это время коалиции Московского Великого княжества (позже Московского государства) с Крымским, а затем и с Казанским ханствами против Большой Орды, поддерживаемой Великим княжеством Литовским. В течение двух последних десятилетий XV в. в эту борьбу была включена и Ногайская Орда. В контексте этих процессов Казань к середине 80-х годов XV в. была в тисках борьбы за ханский трон. Она началась как внутренний конфликт, когда различные группы знати поддержали разных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung (грант AZ 09/SR/10). Все изложенное в статье является субъективным взглядом автора на проблему. Я благодарю Д. М. Исхакова и И. Л. Измайлова за критические замечания и дружеские пожелания, высказанные после прочтения первого варианта работы.

² Дешт-и-Кипчак — Кипчакская (половецкая) степь, часть Восточно-Европейской равнины, ограниченная реками Оскол и Тобол, лесостепной зоной, Каспийским и Аральским морями.

³ Под Степью я образно понимаю позднезолотоордынские государства (образовавшиеся после распада Золотой Орды (Улуса Джучи)), иногда «политически» включая сюда и Северо-Восточные русские княжества.

⁴ Из новейшей литературы могу добавить: [Трепавлов, 2010].

⁵ См.: Шерифи Х. Зафер наме-и Вилайет-и Казан // Гасырлар авазы. Эхо веков. Казань, 1995. Май. С. 83–92. См. также: URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymou/main/?path=mg:/numbers/1995_may/04/3/ (дата обращения: 01.02.2012).

сыновей умершего в 1479 г. хана Ибрагима б. Махмуда (Махмутека): одна — проногайская — Али б. Ибрагима (Ильгама, Алегама)⁶, другая — промосковская — его сводного брата Мухаммед-Амина б. Ибрагима⁷.

Процарствовав пять лет после смерти отца, Али в конце 1484 — начале 1485 г. был смещен, и на казанском троне в первой половине 1485 г. оказался Мухаммед-Амин. Во второй половине 1485 г. Али вернулся к власти (причем на этот раз уже при поддержке Москвы; Мухаммед-Амин при этом бежал из города), вновь был смещен (в 1486 г. в Казани находился Мухаммед-Амин), а в 1487 г. появился с ногайскими войсками и «согнал с Казани» брата. Мухаммед-Амин вновь бежал в Москву [Базилевич, с. 201—203]. В июле этого же 1487 г. русские воеводы взяли город и опять водворили в ханском дворце Мухаммед-Амина — на этот раз надолго. Фактически над Казанским ханством был установлен московский протекторат, продолжавшийся до 1505 г. Главной его сутью были «братские» отношения Москвы и Казани, а также переход под контроль Московского государства внешней политики Казанского ханства и вопросов престолонаследия [Худяков, с. 50—52].

Как видим, Москва активно принимала участие в позднезолотоордынских схватках, причем на вышеуказанных примерах можно видеть, что она попеременно поддерживала то одного, то другого кандидата — не отличалась «принципиальностью», как, впрочем, и сами ханы обращались то в Москву, то к Ногаям⁸.

Итак, казанский конфликт недолго оставался внутренним. Во второй половине 1485 г. молодой претендент на трон Мухаммед-Амин покинул Казань и осел в Московском государстве при дворе великого князя⁹.

В это же время мать Мухаммед-Амина, ханбике¹⁰ Нур-Султан, родом из Ногаев, также покинула Казань. Однако ее маршрут был иным. К 1486 г. она переехала в Крым, где стала очередной женой хана Менгли-Гирея б. Хаджи-Гирея¹¹. Это неудивительно, учитывая тот факт, что Казань принадлежала к тем наследникам Улуса Джучи, «которые были связаны с Крымским ханством тысячей различных нитей» [Хорошкевич, с. 142]. Уже отсюда Нур-Султан писала великому князю, информируя его о своем замужестве за Менгли-Гиреем и наводя справки о своем младшем сыне, находившемся на тот момент под опекой великого князя. В марте 1487 г. Иван III написал ответ Нур-Султан, поздравляя ее с замужеством и уверяя в благоденствии ее сына: «А что еси писала в своей грамоте о своем сыне о Магмети Амине царе¹² (sic!), и мы как наперед сего добра его смотрели, так и ныне аж даст Бог хотим добра его смотреть, как нам Бог поможет»¹³.

Обещание великого князя «смотреть добра» Мухаммед-Амина было несколько недосказанным. В июле этого же года Иван снарядил армию, которая вновь сопровождала юного Джучида в Казань с претензией на занятие трона. Дальнейшие события кратко изложены в письме Ивана матери Мухаммед-Амина, посланном в следующем месяце: «Твой сын Магмет-

⁶ Али б. Ибрагим был сыном от первой жены хана, Фатимы.

⁷ Мухаммед-Амин был сыном от второй жены хана, Нур-Султан.

⁸ Например, отвечая впоследствии на вопрос Ногаев о причинах свержения и пленения Али, Иван III дал следующее объяснение: «Ино Алегам царь был с нами в правде и грамоты были меж нас с ним записаны, другу другом быти, а недругу недругом быти; да на чем нам молвил и как с нами в грамотах записал, в том ни в чем не стоял, а нам не правил» (Сборник РИО. СПб., 1884. Т. XLI. С. 83); [Базилевич, с. 203].

⁹ Подробнее см.: [Худяков, с. 45]; [Вельяминов-Зернов, с. 161]; [Keenan, l. 171ff.].

¹⁰ Ханбике — уважаемая и любимая женщина. Именно так условно можно называть жену или вдову хана.

¹¹ Это привело ко «вторичному» породнению казанской и крымской ветвей династии потомков Туга-Тимура (один из сыновей Джучи); изначально основатель династии крымских Гиреев Хаджи-Гирей и давший начало династии самостоятельных казанских ханов Улуг-Мухаммед б. Ичкеле-Хасан являлись двоюродными братьями [Исхаков, с. 8].

¹² Мухаммед-Амин правил кратковременно в Казани примерно в 1484—1485 г., поэтому он назван «царем» [Худяков, с. 47].

¹³ Сборник РИО. Т. XLI. С. 59.

Аминь к нам приехал; и мы, надеясь на Бога, посылали есмь на своего недруга на Алягама царя своих воевод. Милосердый пак Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли, а нашего недруга царя Алягама поймав и с его братьею и с его матерью и с его царицами и со князми к нам привели; а твоего сына Магмет-Аминя царя на Казани есмь посадили. А тебе бы то было ведомо»¹⁴.

Была ли Нур-Султан удовлетворена новостями о том, что сын стал казанским ханом, или, напротив, испугалась того, что он вступил на опасный путь, мы можем только догадываться. К июлю 1487 г. внимание Нур-Султан было приковано к ее другому, младшему сыну, Абд ал-Латифу б. Ибрагиму, которого она привезла с собой в Крым.

Абд ал-Латиф, младший сын казанского хана Ибрагима б. Махмуда и Нур-Султан, родился в Казани около 1475 г. При выходе матери замуж за крымского хана Менгли-Гирея в 1480 г. султан был увезен из Казани в Бахчисарай и провел детство и юность в Крыму [Худяков, с. 56].

Вскоре после прибытия на черноморский полуостров Нур-Султан поняла, что Крым был не лучшим местом для Абд ал-Латифа¹⁵. Его приемный отец, Менгли-Гирей, принял некоторые меры для обеспечения его безопасности, но даже покровительство хана не могло полностью обезопасить юного Джучида от политических интриг на полуострове.

Нур-Султан предусмотрительно начала выяснять возможности отсылки сына на север: либо к брату Мухаммед-Амину в Казань, либо к Ивану III в Москву. В течение года после ее прибытия в Крым она отписала в Москву следующее: «Здесе ему (Абд ал-Латифу. — Б. Р.) Менли-Гирей царь отец; а коли его к тебе пошлю, то ведает Бог, да ты ему и отец»¹⁶.

Нур-Султан подняла этот вопрос вновь во время визита Василия Ромодановского в Крым в конце 1490 г. На этот раз Москва ответила на инициативу с готовностью. Инструкции московскому послу в Крым содержали следующий ответ Нур-Султан, который необходимо было довести до нее в секрете: «И ты бы своему сыну Абдыл-Летиф салтану велела ехать ко мне, а мы ож даст Бог хотим ему дружбу свою чинити и истому его поднати и людей его жаловати»¹⁷.

Посланник имел подобное письмо и непосредственно к Абд ал-Латифу, которое также должно было быть доставлено в секрете¹⁸.

Однако Нур-Султан еще не решила окончательно, где бы она хотела видеть сына: в Казани или Москве. В этом вопросе она советовалась с Мухаммед-Амином, с которым поддерживала контакт через Москву¹⁹. Отвечая весной 1491 г., Мухаммед-Амин изъявил желание принять Абд ал-Латифа в Казани. Он советовал матери послать Абд ал-Латифа с надежным человеком, а также выбрать маршрут на Казань через Москву; этот путь казался ему более надежным²⁰. Либо в конце 1492 г., либо в начале 1493 г. наконец-то было достигнуто соглашение о том, что же делать с Абд ал-Латифом. К этому времени крымский хан согласился послать султана в Казань²¹.

Первоначальной заботой Нур-Султан было удалить Абд ал-Латифа из Крыма; куда он попадет далее — в Казань или в Москву, ее волновало меньше. Она оставила решение этого вопроса великому князю²². Ханбике также очень волновало то, в каких условиях будет

¹⁴ Там же. С. 62.

¹⁵ В письме к Мухаммед-Амину она назвала его «лихой землей»: «ся земля лиха» (Сборник РИО. Т. ХLI. С. 109).

¹⁶ Сборник РИО. Т. ХLI. С. 74–75.

¹⁷ Там же. С. 143.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 109.

²⁰ Там же. С. 147.

²¹ Там же. С. 149–150, 174.

²² Там же. С. 177.

происходить формирование личности юного султана. Эту прерогативу она также доверила великому князю, в то же время дав ему длинный совет, каким образом лучше этого достичь: «Да еще будет ти у себя его унять, ведомой обычай (sic!) его похваляй; а не взведает чего, и ты его поучи и гораздо понакажи, да и поблюсть, ты ведаешь, молод и мал; как молодость его отдашь, то ты ведаешь; как у меня дровичся, так станет у тебя дровичися. Того дея говорим ныне, как ведомой его обычай, чего не взознает, и ты отдаешь, то ты ведаешь. Да слуг его и людей, как розберешь и осмотришь, ты ведаешь, да еще сам молод»²³.

С этим напутствием ханбике отпустила юного Джучида из Крыма, и он прибыл в Москву в январе 1493 г. вместе с послом Лобаном Колычевым. По прибытии, после 11 января 1493 г., Джучид был пожалован городом Звенигородом со всеми причитающимися ему доходами²⁴ (видимо, владел им до пожалования Казанью — 1493—апрель 1497 г.). Решение о пожаловании татарского султана Звенигородом было принято, судя по всему, еще раньше — весной-летом 1492 г. [Кистерев, с. 70].

Что это был за город? Звенигород практически постоянно являлся уделом боковых княжеских ветвей Калитичей — Рюриковичей московского правящего дома, потомков Ивана Калиты [Беляков, с. 279]. «Татарский след» в Звенигороде прослеживается еще с 1449 г., когда там был замечен султан Касим б. Улуг-Мухаммед. Любопытно, что согласно документам начала XVI в.²⁵ в звенигородских пределах находились большие массивы земель «численных людей», сельского населения, в XIV—XV в. обязанного данью и службой в пользу Орды (как и в другом городе, дававшемся татарам в управление, — Рузе) [Черепнин, с. 166—168]. Во второй четверти XV в., во время гражданской войны в Московском Великом княжестве, Звенигород принадлежал князю Юрию Дмитриевичу, дяде и противнику великого князя Василия II. Приобретя его, Василий оставил его своему третьему сыну, угличскому князю Андрею Васильевичу Большому, в 1462 г. До сентября 1491 г. город входил в состав его удела [Беляков, с. 280]. После смерти Андрея удел возвратился великому князю Ивану III, который начал предоставлять Звенигород, до этого всегда бывший в подчинении членов великокняжеской семьи, татарским выездим династам. Первым татарским владельцем Звенигорода был Абд ал-Латиф, который владел им около 5 лет (1493—1497 г.). В 1504 г. в городе упоминается слобода «что за татары». С 1551 по 1554 г. Звенигород был вверен во владение другому татарскому Чингисиду, представителю астраханской ветви династии потомков Чингис-хана Дервишу-Али б. Шейх-Хайдару. Следующим владельцем города стал (уже крещенный) бывший казанский хан Симеон Касаевич (не ранее 1554—1566 г.). В обоих последних случаях при Джучидах находились и их дворы. Позднее здесь отмечен астраханский царевич Муртаза-Али б. Абдулла (Михаил Кайбуллович). Среди помещиков уезда конца XVI в. отмечено несколько новокрещенов. Можно предположить, что они являлись потомками татар дворов Чингисидов, в разное время проживавших в городе [Беляков, с. 280].

В это же самое время (с 1497 г.) старший брат Абд ал-Латифа Мухаммед-Амин владел Каширой. Эти города принадлежали к числу коренных городов Московского Великого княжества, и по завещаниям московских удельных князей Кашира всегда передавалась по наследству старшему сыну, а Звенигород предназначался второму сыну московского великого

²³ Там же.

²⁴ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 240; [Вельяминов-Зернов, с. 180]; Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М., 1957. С. 186. По поводу значения Звенигорода в политической системе Степи см.: [Тихомиров, с. 123—124; Веселовский, с. 124]; ПСРЛ. СПб., 1848. Т. IV. С. 162; Т. VI. С. 240; Пг., 1921. Т. XXIV. С. 211; М.; Л., 1963. Т. XXVIII. С. 158, 323. В ряде летописей и в хронографе сообщается только о приезде Абд ал-Латифа, но умалчивается о пожаловании ему Звенигорода: ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 225; СПб., 1901. Т. XII. С. 235; СПб., 1910. Т. XX (I половина). С. 358—359; СПб., 1911. Т. XXII. С. 509; М.; Л., 1962. Т. XXVII. С. 293, 363; Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 252—253; [Каштанов, 1967, с. 72].

²⁵ ДДГ. М.; Л., 1950. № 95—97. С. 378—406.

князя [Худяков, с. 56—57].

Все еще озабоченная ситуацией с Абд ал-Латифом, в 1493 г. Нур-Султан послала Ивану следующее письмо, на этот раз содержащее совет по вопросу высылки сына в Казань. Также в письме содержался совет по поводу его воспитания: «Сатику²⁶, на Бога надеяся да и на тебя, послала еси. Нынечя того молодое дитя или у себя, или к брату пошли. Как тому молодому дитяти упокой учинишь, сам ведаешь; и брат его молод и он молод, те два живучи вместе в любви ли будут, или не в любви, сказыванье наше то стоит, моим тем двема молодым детем пристрой учинил еси; что тебе от нас будет, от Бога бы тебе было. Царь брат твой здоров будет, да и мы здоровы будем, о твоих о добрых делах помощники будем, как сила наша имет. Хотя у брата уланы и князи добрые веремьяники и все добре хотя станут просити, и ты отпусти, а не хотя учнут просити у себя држа. Как учнешь кормити, сам ведаешь. Сатика молод, а у него добрых людей нет, а у Багая²⁷ ума нет. Хотя и к брату отпустишь, или у себя велишь быти, и ты одного доброго человека дядкою²⁸ учини отца его Ибряимовых слуг и Сатыкиным слугам и людем, кого бы ся им блюсти добро. Чюра толмач гораздо ведает, у Сатики неустроенные робята есть, тех куды будет на дело посылати, и ты их посылай, потому ини ся наставят и умны будут; а в одном месте им лежати, ини дуреют и испортятся»²⁹.

Интересна личностная характеристика Мухаммед-Амина («Багая»), данная его же матерью: «а у Багая ума нет». Она соотносится с данными русского летописца о нем: «он же и тамо своего нрава не премени, но с насильством живяше и халчно ко многим»³⁰. Вероятно, хан не был ангелом.

Несколько лет спустя, во время бурных событий 1496—1497 г., двое братьев вновь оказались в фокусе московско-крымских отношений. Нур-Султан и Менгли-Гирей получили известия, что султан³¹ Мамук б. Махмудек, Джучид шибанидской ветви, базирующейся в Западной Сибири, атаковал Казань, сместил Мухаммед-Амина и взшел на казанский трон³². Мухаммед-Амин бежал в Москву с женой и верными ему князьями. В отчаянии родители смещенного хана обратились к Ивану за подробностями и попросили его присмотреть за ним³³. Чтобы подчеркнуть ответственность Ивана за Джучида, Менгли-Гирей напомнил Ивану его прежние отношения с Мухаммед-Амином: «Магмед-Аминя царя гораздо бы еси подчивал, названой тебе сын и друг»³⁴.

Великий князь при этом старался восстановить свое влияние в Казани. Местная знать с помощью московского великого князя изгнала Мамука из города и отправила его обратно в Сибирь [Вельяминов-Зернов, с. 190]. Только после этого Иван III ответил крымскому хану, предлагая такую версию событий: «Писал еси ко мне в своей грамоте... о Махмет-Амине о царе;

²⁶ Прозвище Абд ал-Латифа (см.: [Кеenan, l.196]).

²⁷ Прозвище Мухаммед-Амина (см.: [Кеenan, l.196]).

²⁸ Опекун и наставник; примерно соответствует татарскому «аталык».

²⁹ Сборник РИО. Т. XLI. С. 194.

³⁰ ПСРЛ. Т. VI. С. 41; Т. VIII. С. 232 (сообщая про отъезд хана в Каширу из Казани, откуда его якобы выгнала местная знать за насилие по отношению к местному населению, в том числе к женщинам).

³¹ В. В. Трепавлов полагает, что в это время он уже носил титул хана [Трепавлов, 2001, с. 119]. Д. М. Исхаков не согласен с этой точкой зрения (устное сообщение автору).

³² Инициаторами выступили казанские князья, бежавшие в «Ногаи». «Многая сила нагайская» в 1496 г. вошла в город. Мамук в течение года занимал казанский престол, однако рассорился с местной аристократией и вынужден был уехать за Волгу. Так как женой Мухаммед-Амина была дочь ногайского бия Мусы б. Ваккаса [Зайцев, с. 69—70], то неудивительно, что ногайский правитель с самого начала принял эту затею очень холодно. Он симпатизировал Мухаммед-Амину и даже послал вслед за Мамуком в 1496 г. своего сына с 2000-м войском (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489—1508 г. / Подгот. текста и вступ. ст. М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина. М., 1984. С. 50), но остановить авантюру не смог. После краткого ханствования Мамук исчезает со страниц источников [Трепавлов, 2001, с. 119].

³³ Сборник РИО. Т. XLI. С. 236—237.

³⁴ Там же. С. 236.

ино Махмет-Аминево царево дело так стасалося: как пришел на него шибанской царь Мамук, и Махмет-Амин царь, не поверя своим людем, к нам приехал, и мы ему в своей земле города подавали и дружбу свою ему чиним, и вперед оже даст Бог хотим ему дружбу свою чинити и свыше. А на казанском юрте, Божьим изволением, царем *учинили* (курсив мой. — Б.Р.) есмья Абдыл-Летифа царевича»³⁵.

«...Тамошним землям государь ты еси...», — писала Нур-Султан Ивану³⁶. Вряд ли так же считал ее муж, крымский хан Менгли-Гирей.

Итак, в мае 1497 г. Иван III передал Мухаммед-Амину в «удел» города Серпухов, Хотунь и Каширу³⁷ «со всеми пошлинами»³⁸. С 1497 по зиму 1502 г. эти три города находились в руках Мухаммед-Амина [Каштанов, 1967, с. 203]. Как и Звенигород, Серпухов также принадлежал к владениям великокняжеского дома³⁹.

Немного отвлекаясь от внешнеполитической канвы событий, зададимся вопросом: каков был статус и полномочия татарских правителей этих русских городов? Некоторые штрихи к ответу на этот вопрос дает нам русский актовый материал. В Кашире 16 ноября 1498 г. Мухаммед-Амин выдал Троицкому Белопесоцкому монастырю очень щедрую тарханно-несудимую грамоту⁴⁰. Рассмотрим ее поподробнее. Хан передает монастырю пустой лес в Туровской волости и Растовском стану, что «лежит от века не пахан». Податный иммунитет для призванных на поселение людей определен следующим образом: «Тем людем ненадобе моя царева дань (курсив мой. — Б. Р.)⁴¹, ни поворотная, ни на ям подвод не имать, ни тамга, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни гостиное, ни померное, ни убрусное; ни к дворскому, ни к сотцому, ни к десятцому с тяглыми людьми не тянут ни в каторые проторы, ни в разметы; ни иные им никаторые пошлины не надобеть».

Не должны были взиматься наместничьи кормы, а сами царские наместники не имели права суда над монастырскими людьми, кроме случаев душегубства, причем особо оговорено, что татба с поличным также подсудна игумену. Устанавливались правила сместного суда, а игумен и его приказчик становились подсудными самому царю (хану) или его порученцу («кому прикажю») [Кистерев, с. 82]. Соответственно, при обычных обстоятельствах (когда податный иммунитет отсутствовал) все эти тяготы для населения присутствовали.

³⁵ Там же. С. 251. Важен термин, касающийся нюансов утверждения Абд ал-Латифа в качестве казанского хана в 1497 г., — «учинили» («сделали ханом», то есть Москва выступила в патерналистской роли «создателя ханов»). При этом в отношении интронизации Мухаммед-Амина в 1487 г. применен термин «посадили» (то есть «вновь посадили на старое, уже принадлежавшее ему место», «восстановили») (Там же. С. 62). Нюанс в том, что Мухаммед-Амин до 1487 г. уже являлся казанским ханом (хоть и непродолжительное время), в то время как Абд ал-Латиф до 1497 г. таковым никогда не был. Поэтому когда военная поддержка московского правителя воздвигла юного Абд ал-Латифа на казанский ханский трон, Иван III сделал свои статусные притязания в позднезолотоордынской политической иерархии более высокими — теперь он «учинил» («сделал») хана.

³⁶ Там же. С. 272.

³⁷ ПСРЛ. Т. VI. С. 41; Т. VIII. С. 231–233; Т. XII. С. 244; Т. XX (I половина). С. 364; Т. XXVIII. С. 328; Иоасафовская летопись. С. 132; ДДГ. Приложение № 2. С. 479; ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 135. С. 101–102; [Худяков, с. 57]. В договорах Ивана III с Борисом Волоцким и Андреем Углицким 1486 г. «Дмитров, Ростов, Медынь, Серпухов, Хотунь» фигурируют в качестве районов, являвшихся наследством Юрия Васильевича Дмитровского (ДДГ. С. 326) и представлявших, видимо, объект удельных притязаний [Каштанов, 1967, с. 77]. Серпухов вплоть до середины XV в. входил в удел серпуховских князей (ДДГ. С. 70, 129, 132, 135, 138, 169, 173); [Каштанов, 1967, с. 203].

³⁸ Иоасафовская летопись. С. 132. Мухаммед-Амину были переданы уже все доходы с Каширы за 1497 г. В Описи архива Посольского приказа хранилась «Тетрадь лета 7005-го году, как велено Федору Липятину на Кошире собрати оброки медвенные дворецково и ключничьи пошлины, и записное, да отдати Магмет-Амину Обреимову сыну цареву казансково» (ДДГ. Приложение № 2. С. 479; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 209).

³⁹ Серпуховской уезд представлял собой осколок удела потомков младшего сына Ивана Калиты [Готье, с. 400]. По духовной грамоте третий сын Ивана Калиты Андрей Иванович унаследовал часть земель Московского княжества, в том числе Серпухов, ставший центром волости, а в будущем — основой нового удельного княжества. В XIV и начале XV в. Серпухов служил столицей такого княжества.

⁴⁰ АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 618. С. 530–531; ААЭ. Т. I. № 135. С. 101–102.

⁴¹ О том, что «дань» в рассматриваемых грамотах означает особый налог, см.: [Каштанов, 1988, с. 61].

Как показывает эта жалованная грамота, Джучиды могли производить пожалование недвижимостью (они распоряжались великокняжеским земельным фондом, при вероятном отсутствии у султанов вотчинных прав на какие-либо земли). Бывший казанский хан установил подсудность себе игумена этого монастыря — по аналогии со многими другими настоятелями монастырей, подведомственных удельнокняжескому суду [Каштанов, 1967, с. 129]. Монастырь был поставлен в вассальную зависимость от Мухаммед-Амина⁴². Как видим, полномочия татарского хана в русском городе были весьма широкими.

В апреле 1497 г. родной брат Мухаммед-Амина Абд ал-Латиф был послан в Казань. С 1497 по 1502 г. он являлся казанским ханом. В 1502 г. двое братьев вновь оказались в водовороте московско-крымских контактов. Как и ранее, причиной была политическая неурядица в Казани, но на этот раз вследствие этих событий политические отношения между Крымом и Москвой ухудшатся надолго. Это неудивительно. Особой надобности в поддержании партнерских отношений между Крымом и Москвой после 1502 г., года политического уничтожения Большой Орды, не было. Ликвидация Большой Орды и усиление Московского государства привели к изменению конфигурации союзов в Степи: Крымское ханство объединилось с Великим княжеством Литовским против Москвы [Исхаков, с. 123].

Прелюдией к тяжелым временам, ждущим отношения Москвы и Крыма впереди, послужило короткое сообщение из Москвы в Крым по поводу последних событий в Казани: «Прислала еси ко мне (Ивану III. — Б. Р.) своего сына Абды-Летифа царевича; и тебе (Нур-Султан. — Б. Р.) ведомо, как есми его жаловал, да и на отца его юрте его есми посадил. И он как на чем мне молвил и правду учинил, в том мне ни в чем не исправился. И яз ныне твоего ж сына Магмет-Амина царя на том юрте посадил. То бы тебе ведомо было»⁴³.

Подразумевалось, что в результате «неисправления» Абд ал-Латифа он был смещен великим князем с ханского трона в Казани.

Сообщение о том, что молодой Джучид был лишен трона своим недавним московским покровителем, вызвало всеобщее недовольство властных кругов Крыма. Менгли-Гирей досадовал и недоумевал, почему ранее юного хана предпочли Мухаммед-Амину; не для этого крымцы посылали его в Москву. «Не знаю которым делом царем еси его учинил на отцове юрте. Мы того царем учинити не того дея его послали»⁴⁴, — писал хан Ивану III. Он был послан для удовлетворения запросов как раз Мухаммед-Амина, утверждал Менгли-Гирей. Хан добавлял, что и ранее, и сейчас он сам готов присматривать за юношей в Крыму. Нур-Султан вторила ему, опасаясь за безопасность сына. Она жаловалась, что, согласно ее источникам, Абд ал-Латиф вообще затерялся в Степи, и вновь повторяла ранее звучавшую просьбу отправиться на север посетить ее сыновей⁴⁵.

Московские послы, которые должны были возвратиться в Крым, на все вопросы, касающиеся Абд ал-Латифа, должны были отвечать немногословно — что великий князь «держит» его в Москве («держу у себя») ⁴⁶. Фактически же хан содержался под стражей («нятство») в Белоозере⁴⁷.

---

⁴² В дальнейшем, в 1507 г., Каширским Троицким Белопесоцким монастырем была получена оброчная грамота, предоставлявшая право монастырским людям не платить дань, поворотное и другие пошлины при условии внесения в казну медвяного оброка (Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. I. С. 97–98). С. М. Каштанов полагает, что эта привилегия объясняется рядом чрезвычайных обстоятельств: Василию III необходимо было заручиться поддержкой Белопесоцкого монастыря, так как в 1506 г. разгорелась открытая война между Мухаммед-Амином — сюзереном Белопесоцкого монастыря, тогда уже казанским ханом, и Москвой. Монастырь мог стать, по мнению Каштанова, опорным пунктом Мухаммед-Амина [Каштанов, 1967, с. 246–247].

⁴³ Сборник РИО. Т. XLI. С. 390.

⁴⁴ Там же. С. 447–448.

⁴⁵ Там же. С. 449–450.

⁴⁶ Там же. С. 461, 464.

⁴⁷ Сборник РИО. Т. XCV. СПб., 1895. С. 43 (от декабря 1508 г.).

Это краткое сообщение несколько не удовлетворило хана и его жену. Они либо как-то узнали, либо просто догадывались о реальном положении вещей и не могли равнодушно относиться к нему. В апреле 1503 г. Менгли-Гирей просил, чтобы юному Джучиду не оказывалось бесчестья, и настаивал, что адекватное отношение к нему является предпосылкой дальнейших нормальных отношений между Крымом и Москвой. Чтобы в этом вопросе не было двусмысленностей, Менгли-Гирей пояснил, что он имеет в виду: «У тебя прошение наше то стоит: Абдыл-Летифу царю поместье (курсив мой. — Б. Р.) дав, у себя его добром держишь, нам он дитя стоит, а он к тебе не лихом ехал, ты просил добром, и мы отпустили дитя свое добром, немочно ли нам было его кормити; нашим здоровьем Абдыл-Летифу царю так быти непригоже. И ты не всхочешь его у себя кормити, Бог нам дал, улусы у нас есть, и ты его к нам отпусти. Наше прошение инаково учинишь, то тебе брату нашему непригоже»⁴⁸.

Менгли-Гирей и Нур-Султан были серьезно и обоснованно озабочены положением Абд ал-Латифа. На тот момент Абд ал-Латиф являлся низложенным правителем, обвиненным в нарушении своих клятв Москве. Крымцы, вероятно, быстро вспомнили о жестких наказаниях Москвы для тех Джучидов, которые ранее нарушали свои обязательства по отношению к великому князю и после этого попадали в его руки [Kennedy, l. 91].

Крымские родственники Абд ал-Латифа агрессивно настаивали на полной реабилитации. Это означало, что он должен либо получить земельные владения в Московии, либо быть отпущен в Крым. Ответ великого князя на эти запросы сильно отличался от его прежней дипломатической практики. Вместо задержек, увиливаний и полумер, как в случае с подобными требованиями относительно Нур-Даулета б. Хаджи-Гирея⁴⁹, великий князь ответил необычно: «а которых жены и дети нынеча у меня в базаре, ино тех не царевы базарци»⁵⁰. По всей видимости, это означало ясный ответ Крыму — прекратить вмешиваться в отношения Москвы с Абд ал-Латифом.

Резкий отказ великого князя спровоцировал не менее резкое возражение со стороны Менгли-Гирея. Если Иван не сделает Абд ал-Латифа снова своим «сыном», хан разорвет свой союз с Москвой⁵¹. Перед лицом повторяющихся протестов Крыма Москва перешла на более примирительный тон, сделав серию уступок на протяжении последующих пяти лет. В 1504 или 1505 г. Абд ал-Латиф был освобожден из-под стражи в Белоозере и получил разрешение прибыть в Москву⁵². Его поселили в Кремле на особом подворье⁵³, и он содержался на положении почетного пленника [Зимин, 1972, с. 68]. Вскоре его матери Нур-Султан было разрешено посетить Москву. В итоге, в конце 1508 г. преемник Ивана III, его сын Василий III согласился на прощение Абд ал-Латифа и вновь подтвердил официальные отношения с «заблудшим»

⁴⁸ Сборник РИО. Т. ХLI. С. 468. Интересен термин источника по поводу характера держаний, предоставлявшихся татарским выходцам, — «поместье». Это русский перевод слова, которым оперировали с татарами в дипломатической переписке. Как звучал этот термин в татарской версии дипломатической переписки, неизвестно. Возможно, «юрт»? Или, по предположению В. В. Трепавлова, «бёлек»? При первом допущении политический статус московских «юртов», предоставляемых татарам, снижается. В таком случае это даже не княжество — иногда в татарском мире слово «юрт» обозначало удельное владение в составе более крупного (ср.: в ярлыке к Ивану III, посланному в 1492 г., Менгли-Гирей писал: «...ты там брат Мамишек царевичю говорил еси: яз тебе дам поместье с Менгли-Гиреем с царем с братом моим, на мое дело здесе живучи служил бы еси» (Сборник РИО. Т. ХLI. С. 151) (что касается султана Мамишека, сына Мустафы (хана? казанского? — «Мустофин царев сын Мамишек царевич»), захваченного около 1489 г. людьми великого князя, то, по-видимому, изначально предполагалось дать ему земельное содержание («поместье») и использовать его против Большой Орды)).

⁴⁹ Крымский хан, после потери престола обосновавшийся в Московии и ставший касимовским правителем (1486—1490 г.). См. подробнее: [Рахимзянов, 2009, с. 118—128].

⁵⁰ Сборник РИО. Т. ХLI. С. 475. Иван подразумевал, что семья Абд ал-Латифа находится при его дворе и соответственно в его полном распоряжении и Менгли-Гирею не следует заботиться об их участии, так как теперь они не крымские придворные-базарцы, а субъекты великокняжеского права.

⁵¹ Там же. С. 474—475.

⁵² Там же. С. 540—541.

⁵³ Там же. С. 557.

Джучидом. Данный акт включал в себя возобновление образных «родственных» связей с Абд ал-Латифом и наделение его московской территорией, где он и его родственники и люди могли бы поселиться⁵⁴.

Церемония и документация, сопровождавшие «прощение» хана, были весьма детальными. Делегация крымских послов высокого ранга прибыла в Москву для проведения переговоров по поводу условий «реабилитации» Абд ал-Латифа. Возникла проблема, касающаяся территории, которую получит Абд ал-Латиф в управление и кормление. Крымцы настаивали на южной Кашире, московские бояре — на территории поближе к Москве⁵⁵. Крымцы также требовали, чтобы великий князь признал хана «другом и братом», в то время как еще в 1504 г., при жизни Ивана III, их требования не простирались далее «друга и сына»⁵⁶. В итоге, московские представители согласились на «друга и брата», в то время как крымцы вынуждены были отказаться от притязаний на Каширу. Абд ал-Латиф получил Юрьев-Польский⁵⁷ «с данью и со всеми пошлинами».

Что представлял собой Юрьев-Польский? Ничем особенным этот населенный пункт до получения его татарским ханом не был отмечен. Однако в дальнейшем город неоднократно жаловался Чингисидам. В 1552–1570 г. Юрьев-Польский был пожалован астраханскому султану Абдулле б. Ак-Кобеку со времени его приезда с семьей в Россию. В 1609 г. Юрьев-Польский пожаловали сыну касимовского хана Ураз-Мухаммеда б. Ондана царевичу Мухаммед-Мураду [Беляков, 2009а].

Итак, в декабре 1508 г. между Абд ал-Латифом и великим князем было заключено специальное соглашение, которое регулировало отношения между ними и их людьми⁵⁸. Условия этого соглашения весьма показательны, особенно в плане проведения некой условной границы во взаимоотношениях между московскими правителями и прежними своими сюзеренами — Джучидами. Прежде всего, Абд ал-Латиф должен был быть «послушну во всем» Василию III. Он был обязан проживать строго в месте, предоставленном ему великим князем, «хотети... великому князю во всем добра». Он не мог ссылаться с какими-либо внешними силами ни устно, ни письменно без разрешения великого князя. При получении корреспонденции от внешней стороны он был обязан сообщать об этом Василию III незамедлительно. Запрет внешнеполитических контактов — один из важнейших ограничительных пунктов договора для татарского хана. Джучид также не мог покидать Юрьев без разрешения великого князя. Абд ал-Латиф должен был участвовать в военных кампаниях своего сюзерена.

Когда все нюансы были обговорены, официальная церемония клятвоприношения была проведена в Кремле. Во время этой церемонии Василий напрямую обратился к Абд ал-Латифу. Многословная речь включала в себя детальную историю прежних отношений Абд ал-Латифа с Москвой, в том числе перечисление всех его проступков перед великим князем и оправдание всех действий Москвы по отношению к хану, новое соглашение между Абд ал-Латифом и великим князем, а также согласие великого князя простить Абд ал-Латифа в знак особой благосклонности Василия III по отношению к Крыму⁵⁹.

Несмотря на то что договор был весьма детальным и обе стороны клялись в том, что он будет «долгоиграющим», он не продлился более четырех лет. Абд ал-Латиф пробыл в

⁵⁴ Сборник РИО. Т. ХСV. С. 21–22, 42–43, 49–50; СГГД. М., 1894. Ч. 5. № 55. С. 38–39; М., 1819. Ч. 2. № 26. С. 30–31; № 27. С. 32–34; ПСРЛ. Т. VI. С. 248–249; Т. VIII. С. 250.

⁵⁵ По мнению С. М. Соловьева, «поместить Абдыл-Летифа так близко к степи значило передать украину в жертву крымцам или, по крайней мере, дать Летифу возможность уйти из Московского государства» [Соловьев, с. 230–231].

⁵⁶ Во властной иерархии того времени «сын» однозначно имел более низкий статус, нежели «брат».

⁵⁷ Современная Владимирская область.

⁵⁸ Текст соглашения см.: Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. V. С. 399–401; Сборник РИО. Т. ХСV. С. 49–51.

⁵⁹ Сборник РИО. Т. ХСV. СПб., 1895. С. 42–45, 49–51.

Юрьеве около 3,5 лет [Худяков, с. 71]. В дальнейшем Абд ал-Латифа все же перемещают из небольшого Юрьева в Каширу, о чем в свое время ходатайствовал Менгли-Гирей⁶⁰. При каких обстоятельствах Абд ал-Латиф получил Каширу, остается неясным⁶¹.

Однако столь широкие полномочия хана продлились недолго. В мае 1512 г., в атмосфере напряженных дипломатических отношений между двумя государствами, Крым предпринял поход против Москвы. Это привело к финальному разрыву отношений между ней и Бахчисараем, отношений, которые выстраивались столь длительное время⁶². Москва обвинила Абд ал-Латифа в соучастии: «Тогда же князь великий Василей Иванович всеа Руси опалу свою положил на царя Абдеиль-Летифа за его неправду и велел у него приставом быти и Коширу у него отнял»; он был лишен Юрьева-Польского и Каширы и вновь заключен под стражу («за приставы»)⁶³. Статус и влиятельные крымские родственники не спасали Чингисида от суровых жизненных коллизий, где зачастую он был далеко не главной действующей силой.

В течение последующих пяти лет было сделано еще несколько запросов, касающихся Абд ал-Латифа. Оттоманский посол, посетивший Москву в феврале 1515 г., просил о его возвращении в Крым⁶⁴. После смерти Менгли-Гирея в 1515 г. его сын и преемник Мухаммед-Гирей б. Менгли-Гирей делал попытки обновить отношения с Москвой, в том числе он просил и об отпуске Абд ал-Латифа в Крым. Мотивы для этого были сугубо личные (по заверениям крымцев): Нур-Султан собиралась совершить паломничеств Мекку, и, согласно мусульманскому обычаю, ее должен был сопровождать спутник мужского пола⁶⁵.

Василий был готов использовать Абд ал-Латифа как дополнительную карту в переговорах с Крымом и готов был его финансово «кормить», но в то же время неохотно мирился с мыслью отпуска его в Крым. В последующих переговорах с Мухаммед-Гиреем Василий обещал «восстановить» Абд ал-Латифа в статусе «друга и брата» и разрешить его людям возвратиться к нему⁶⁶. Мухаммед-Гирей настаивал на том, чтобы Абд ал-Латиф сопровождал свою мать Нур-Султан в Мекку, добавляя при этом, что они собираются остаться там навсегда⁶⁷. Тупиковые переговоры продолжались вплоть до 1517 г., причем каждая сторона становилась все более и более непоколебимой. Мухаммед-Гирей утверждал, что отношение великого князя к Абд ал-Латифу не соответствует «дружбе и братству» между московским и крымским лидерами⁶⁸. Василий же опасался того, что, оказавшись Абд ал-Латиф в Крыму, он мог бы, припомнив старые обиды великому князю, совершать регулярные набеги на южные пограничные районы Московии. Мухаммед-Гирей же уверял великого князя, что не намерен держать Абд ал-Латифа у себя в Крыму, а собирается послать его «за море»⁶⁹.

К осени 1517 г. компромисс был наконец достигнут. Вместо того чтобы ехать в Крым либо оставаться в Московии, Абд ал-Латиф должен был быть послан в Казань к Мухаммед-Амину (вновь казанскому хану в 1505–1518 г.). Казанский хан был тяжело болен (как едко пишет «Казанский летописец», в наказание за свою несправедную жизнь), что остро поставило вопрос

⁶⁰ См. грамоту Абд ал-Латифа от 28 февраля 1512 г. из Каширы: ААЭ. Т. I. № 154. С. 124–125.

⁶¹ В Царском архиве хранилась «новая Абделетифова грамота, как ему дал князь велики Коширу» (Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 24. Ящик 52); [Зимин, 1970, с. 144].

⁶² Более подробно об этих событиях см.: [Хорошкевич, с. 113–224].

⁶³ Иоасафовская летопись. С. 160; ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII (I половина). С. 15; Т. XX (I половина). С. 385; Т. XXVIII. С. 347; [Зимин, 1972, с. 149, 200].

⁶⁴ Сборник РИО. Т. XCV. С. 100–101. При этом через бояр было сказано, что «Абдыль-Летиф царь у нас живет, а нам служит, а мы его жалуем». Вероятно, степень тяжести заключения не была велика.

⁶⁵ Там же. С. 156–157.

⁶⁶ Там же. С. 194.

⁶⁷ Там же. С. 243, 245.

⁶⁸ Там же. С. 296.

⁶⁹ Там же. С. 289.

о престолонаследии. Все заинтересованные партии (Москва, Крым и сторонники Мухаммед-Амина в Казани) нормально отнеслись к прибытию явного претендента на престол при живом хане⁷⁰. Пока шли окончательные приготовления между сторонами, Василий III согласился на прощение Абд ал-Латифа и отослал его в ноябре 1516 г. [Беляков, 2009б, с. 7] в Каширу (она была дана ему «со всеми волостями и с селы и со всеми пошлинами»)⁷¹.

Однако судьба распорядилась так, что Абд ал-Латиф больше никогда не увидел Казань. Будучи в Кашире и дожидаясь утряски всех организационных вопросов, он вдруг неожиданно заболел и умер 19 ноября 1517 г.⁷² Хану было около 42 лет. Некоторые исследователи считают, что его отравили по приказу из Москвы. Русские летописцы по этому поводу выражаются глухо: «Тоя же осени, ноября 19, Абдыл Летифа царя в живых не стало»⁷³. В письме к его матери Василий не преминул указать, что ее сын умер в наказание за его грехи⁷⁴. Для подтверждения того, что в его смерти не была задействована рука Москвы, он послал в Крым одного из людей Нур-Султан, который был свидетелем последних дней хана и мог подтвердить версию великого князя⁷⁵. Мухаммед-Амин вскоре последует за своим братом и покинет этот мир 18 декабря 1518 г.; ему было не более 50 лет⁷⁶.

В конце XV — начале XVI в. между государствами-наследниками Золотой Орды сохранялись довольно тесные связи, иногда даже затрудняющие определение степени их суверенности. Личные связи с правителями татарских ханств и даже членами их семей, миграция «частей орды» в Московию и обратно, защита и покровительство, предоставляемые московскими правителями высшему татарскому истеблишменту, вкупе с возросшей военной мощью Москвы позволяли ей все чаще и чаще вставать в один ряд с наследниками Улуса Джучи.

Литература

- Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952.
- Беляков А. В. Юрьев-Польский // Ислам в центрально-европейской части России: Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. Д. Э. Хайретдинов. М., 2009. С. 355. (Беляков, 2009а)
- Беляков А. В. Абдул-Латиф б. Ибрагим // Ислам в центрально-европейской части России: Энциклопедический словарь / Коллект. автор. Сост. и отв. ред. Д. Э. Хайретдинов. М., 2009. С. 7. (Беляков, 2009б)
- Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII вв.: Просопографическое исследование. Рязань, 2011.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1.
- Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // ИЗ. 1947. № 22. С. 101–131.
- Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. М., 1937.
- Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2004.
- Зимин А. А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 году // Из истории Татарии. Сборник IV. Казань, 1970. С. 141–163.
- Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972.
- Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.
- Каиштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в.

---

⁷⁰ Там же. С. 388–389, 406.

⁷¹ Там же. С. 460; ПСРЛ. Т. VI. С. 258; Т. VIII. С. 260; Т. XIII (I половина). С. XXV; Т. XX (I половина). С. 391; Т. XXVIII. С. 351; М., 1965. Т. XXX. С. 143; Иоасафовская летопись. С. 167–168; [Зимин, 1972, с. 177; Худяков, с. 72].

⁷² Сборник РИО. Т. XCV. С. 477, 481–482, 488; ПСРЛ. Т. VI. С. 260; Т. VIII. С. 263; [Зимин, 1972, с. 177; Худяков, с. 72].

⁷³ ПСРЛ. Т. VI. С. 260; Иоасафовская летопись. С. 172.

⁷⁴ Сборник РИО. Т. XCV. С. 488.

⁷⁵ Там же. С. 481–482.

⁷⁶ Там же. С. 661; ПСРЛ. Т. VI. С. 262; Т. VIII. С. 266; Т. XXX. С. 144; [Зимин, 1972, с. 194; Худяков, с. 73].

М., 1967.

Капитанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

Кистерев С. Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI столетий // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 65–88.

Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.

Рахимзянов Б. Р. Прибытие первых Джучидов в Московское Великое княжество: Начало трансформации империи // ДРВМ. 2012. № 1 (47). С. 62–72; № 2 (48). С. 75–82.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1960.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов В. В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV в. – начало XVI в. М., 2001.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987.

Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics. Ph. D. dissertation. Harvard, 1965.

Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries. Ph. D. dissertation. Harvard, 1994.